

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Под редакцией

доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ

К. А. Бекашева

СБОРНИК СТАТЕЙ

УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА
85
1946 2021

Коллектив авторов

**Будущее международного
права. Сборник статей**

«Проспект»

Коллектив авторов

Будущее международного права. Сборник статей / Коллектив авторов — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-221332-0

Настоящий сборник статей «Будущее международного права» подготовлен в рамках серии юбилейных изданий, приуроченных к 85-летию Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». Авторами статей являются члены кафедры международного права МГЮА, их коллеги-международники из других российских и иностранных вузов. Законодательство приведено по состоянию на 1 февраля 2016 г. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также практических работников, занимающихся вопросами международного права и международных отношений.

ISBN 978-5-39-221332-0

© Коллектив авторов
© Проспект

Содержание

Предисловие	6
Абашидзе А. Х	7
Бекашев К. А	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Будущее международного права
Сборник статей
Под редакцией
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ
К. А. Бекяшева

ebooks@prospekt.org

Предисловие

Данный сборник статей включен в серию научных трудов, посвященных 85-летию Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), и содержит статьи об актуальных проблемах международного права в будущем.

МГЮА является самым крупным юридическим вузом России, который состоит из более чем 10 институтов, в том числе Международно-правового института.

История Университета началась в 1931 г., когда в Москве были образованы Центральные заочные курсы советского права (заочный правовой вуз). В 1933 г. курсы были переименованы в Центральный заочный институт советского права, который в 1937 г. был преобразован во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), а в 1990 г. – Московский юридический институт (МЮИ). 15 июня 1993 г. МЮИ получил статус Академии. По приказу Минобрнауки РФ от 12 октября 2012 г. Академия переименована в Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Наш вуз окончили ряд видных юристов-международников: Г. П. Жуков, А. С. Пирадов, В. В. Маклаков, С. Ю. Кашкин, Е. Г. Моисеев, Б. Л. Зимненко и др.

В данном сборнике опубликованы статьи ведущих российских и зарубежных ученых. В них рассматриваются проблемы общего международного права и ряда его отраслей. Выводы и рекомендации, высказанные в этих статьях, заслуживают дальнейшего обсуждения.

Редколлегия выражает благодарность всем авторам за участие в подготовке сборника научных статей «Будущее международного права» и надеется на дальнейшее творческое сотрудничество.

Ответственный редактор,

заведующий кафедрой

международного права,

ветеран МГЮА

К. А. Бекяшев

1 февраля 2016 г.

Абашидзе А. Х

Сохранит ли международное право активную регулируемую функцию в глобализирующемся мире?

Will international law preserve its active regulative function in the globalizing world?

Абашидзе А. Х.

*Доктор юридических наук
заведующий кафедрой междуна*

Abashidze A. H.

Doctor of ju

*Professor, Head of the In
Department of the Peo
Univ*

Современное состояние международных отношений характеризуется значительной политической и экономической нестабильностью. Различные негативные события, происходящие в мире, сопровождаются появлением и усугублением различных вызовов и угроз для международного правопорядка, мира и безопасности. В настоящей статье анализируются основные функции международного права в регулировании процесса взаимодействия его субъектов в условиях глобализации, рассматриваются отдельные явления и тенденции, ставящие под угрозу жизнь и благополучие человечества, и роль международного права в их предотвращении и преодолении.

Ключевые слова: ООН, международное право, глобализация, угрозы, вызовы, безопасность, разоружение, вооруженные конфликты, терроризм, ВИЧ/СПИД.

The current state of international relations is characterized by considerable political and economic instability. Various adverse events occurring in the world are accompanied by the emergence and worsening of various threats and challenges to the international legal order, peace and security. This article analyzes the main functions of international law in the regulation of the interaction of its subjects in the conditions of globalization, considers certain phenomena and trends that threaten the lives and well-being of humanity and the role of international law in their prevention and overcoming.

Keywords: UN, international law, globalization, threats, challenges, security, disarmament, armed conflicts, terrorism, HIV/AIDS.

Поставленный вопрос не является надуманным, это не продукт чисто теоретических изысканий. Он имеет актуальное теоретико-прикладное значение не только для государств – основных субъектов международного права, но и для каждого жителя нашей планеты. Дело в том, что человек нуждается в правопорядке, благополучии и справедливости как в рамках государства, в котором он живет, так и в международной системе, ибо мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым.

Что понимается под функцией международного права в целом и регулирующей функцией в частности? Следует заметить, что данный вопрос не является предметом научного исследования наших западных коллег. Они больше предпочитают говорить о функции политики. Как отмечает, например, профессор Малкольм Шоу, «в развитом обществе делается различие между формулированием политики и методом ее осуществления»¹. В качестве примера этому приводится разделение власти между парламентом и судебными органами страны, чтобы исполнительная власть не присваивала себе всю государственную власть. По отношению к международному праву он выделяет специфику, констатируя, что арбитрами международного правопорядка являются государства, которые и создают, и толкуют, и применяют международное право².

Положения о функциях международного права более основательно разработаны в отечественной науке международного права, хотя еще в середине XX в. этот вопрос не представлял интереса для наших известных теоретиков в области международного права³. В настоящее время во многих отечественных учебниках по международному праву в разной степени нашли отражение положения о функциях международного права. Например, профессор Ю. М. Колосов выделяет четыре функции международного права: координирующую, регулирующую, обеспечительную и охранительную. По его мнению, регулирующая функция международного права проявляется в установлении государствами четких правил поведения в соответствующих областях взаимодействия⁴.

То, что Ю. М. Колосовым среди функций международного права первой указывается координирующая, объясняется прежде всего тем, что советская наука отводила международному праву лишь координирующую роль.

К. А. Бекяшев в учебнике по международному праву под основной функцией международного публичного права понимает «управление деятельностью субъектов в соответствующих сферах международных отношений»⁵. Этот подход отражает позицию известного русского ученого, юриста-международника и дипломата Ф. Ф. Мартенса, который считал, что международное право должно управлять международной деятельностью государств⁶.

По определению И. И. Лукашука, функции международного права – это основные направления его воздействия на социальную среду, определяемые его общественным назначением. Международное право вызвано к жизни потребностями международной системы, основной из которых является потребность в самосохранении. Поэтому главной социальной функцией международного права является упрочнение существующей международной системы, обеспечение ее функционирования. Осуществляется эта функция в значительной мере путем поддержания международного правопорядка. Главная юридическая функция международного права, по мнению И. И. Лукашука, состоит в правовом регулировании международных отношений. Она отражает метод реализации главной социальной функции⁷.

Если внимательно следить за происходящими в мире событиями и вестимися вокруг них дискуссиями, вне зависимости от того, кто в них участвует – профессионалы или дилетанты в области международного права, данный вопрос занимает центральное место. Мог бы этот вопрос занимать такое же центральное место, например, сто лет назад, перед началом Первой мировой войны, или же этот вопрос приобрел актуальность в условиях глобализирующегося мира?

Любой ответ на данный вопрос будет неполным по той простой причине, что никем и ничем не установлено то мерило, по которому можно было бы определить нижний предел соответствия международного права всем основным потребностям международного сообщества на любом этапе его развития, будь то в период до Первой мировой войны или же в начале XXI в. В дополнение к сказанному следует иметь в виду два важных обстоятельства: во-первых, международное право – явление динамичное и нередко прогрессивное, непрерывное развитие которого невозможно измерить без соответствующих практики и опыта, приобретение которого требует значительных временных затрат; во-вторых, международное право не поспевает за многочисленными процессами, идущими во всех сферах международного взаимодействия, особенно в нынешних условиях, когда предметный охват международного права все время расширяется, увеличивается круг тех, к кому оно обращено. Поиск адекватного ответа на поставленный вопрос осложняется и тем обстоятельством, что, с одной стороны, всеми осознаются положительные и отрицательные последствия процесса глобализации, но при этом, с другой стороны, международное сообщество не демонстрирует адекватную готовность к решительным действиям, оно как бы плывет по течению и довольствуется констатацией негативных сторон процесса глобализации вместо того, чтобы искать реальные пути и средства их предотвращения или преодоления. Доказательством такого порой безразличного, поверхностного отношения к угрозам и вызовам современности является провал международного сообщества в достижении восьми Целей развития тысячелетия (ЦРТ), а также принятие новых семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР)⁸ при отсутствии реального источника финансирования, направленного на их достижение. Такая же картина наблюдается по отношению к проблеме изменения климата, несмотря на проведение представительной международной конференции по данному вопросу в Париже в декабре 2015 г. Не все государства, особенно экономически развитые, которые в большей степени загрязняют атмосферу выбросами углекислого газа, готовы выделить определенную часть своего ВВП, что в совокупности составит сумму, способствующую достижению успеха в этом благородном деле. Возникают сомнения в том, что решения парижского саммита будут исполнены успешно, ведь уже раздаются голоса о том, что будет повторена участь Киотского протокола.

Можно ли найти финансовые средства для решения поставленных задач, в том числе по ЦУР? Да, конечно, если будут достигнуты взаимные договоренности государств и выражена политическая воля лидеров ведущих держав мира для совместного решения задач по противостоянию общим вызовам и угрозам.

Чтобы добиться достижения всех 17 ЦУР, требуются значительные финансовые средства, триллионы долларов США. Предложения по их изысканию разные. Например, Президент Казахстана Н. Назарбаев призвал все государства – члены ООН выделить на эти цели по 1 % из их военных бюджетов. Пока не последовало реакции со стороны других государств в условиях, когда активизация террористических группировок в Европе и на Ближнем Востоке заставляет их увеличивать военные расходы.

Достижение ЦУР, включая искоренение нищеты и голода во всем мире, потребует ежегодных вложений в размере от 3,5 до 5 трлн. долл. США в условиях, когда военные расходы в 2014 году составили 1,8 трлн. долл. США. Попытки сократить военные расходы предпринимались еще в середине XIX в., однако реальных результатов в данной сфере не наблюдается и сегодня, наоборот, эти расходы увеличиваются. По данным Стокгольмского международного института по исследованию вопросов мира (СИПРИ), в 2014 г. следующие шесть государств были ведущими по объему военных затрат: США – 610 млрд. долл.; КНР – 216 млрд. долл.; Россия – 84,5 млрд. долл.; Саудовская Аравия – 80,8 млрд. долл.; Франция – 62,3 млрд. долл.; Великобритания – 60,5 млрд. долл. При этом Великобритания заявила об увеличении военного бюджета на 18 млрд. долл. в течение 10 лет.

Такую ситуацию удачно охарактеризовал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, по образному выражению которого «мир перевооружен, однако мир недофинансирован».

Генеральная Ассамблея ООН ежегодно принимает резолюции, касающиеся разоружения. В связи с этим напомним, что первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи по вопросам разоружения и развития состоялась в 1978 г. Однако еще раз повторим, что до сих пор в данной сфере нет каких-либо положительных сдвигов.

В контексте нашей дискуссии возникает еще один вопрос: что такое глобализация, откуда она берет свое начало и как влияет на регулирующую функцию современного международного права? Глобализация – это продукт научно-технического развития или же результат осознания социумом, организованным в международное сообщество государств, определенного состояния своего развития? Если исходить из того, что единственное разумное существо на Земле – человек, который по всем законам (земным и небесным) изначально был обречен взаимодействовать с другим человеком, то где бы он ни жил – в первобытном обществе или в развитом государстве с рыночной экономикой – человечество в целом должно двигаться от простой формы организации к более сложной. При таком подходе начало процесса глобализации не укладывается в какие-либо временные рамки, обозначенные различными науками гуманитарного профиля. С этой точки зрения В. И. Блищенко дал удачное определение процесса глобализации: «Весь мир становится общим пространством для человеческой деятельности, она ассоциируется с состоянием сокращения времени и пространства»⁹.

Рассуждения над этими вопросами могут быть различными, однако для юристов-международников один факт остается очевидным: благодаря созданию суверенными государствами и последующему функционированию постоянно действующих международных межправительственных организаций, к компетенции которых отнесены вопросы войны и мира, вопрос о роли международного права как о главном регуляторе межгосударственных и иных международных отношений стал постоянным, непреходящим объектом внимания для международного сообщества и науки международного права. Даже провал Лиги Наций имел в этом отношении полезное значение: при создании ООН были учтены и слабые, и сильные стороны этой организации. Эпоха ООН уже немыслима без этого вопроса: говорится об ООН – подразумевается прежде всего современное международное право, в том числе его регулирующая функция в международных отношениях, говорится о современном международном праве – подразумеваются прежде всего принципы и нормы, закрепленные в Уставе ООН и выступающие стержнем международного правопорядка.

После такого длительного предисловия перейдем по существу к ответу на вопрос: способно ли международное право сохранить свою функцию регулятора международных отношений в нынешних условиях?

Вопрос, если посмотреть на него с позиции самой сути международного права, сформулирован некорректно, ибо не принимаются во внимание существенные характерные черты международного права как системного нормативного образования. Международное право является продуктом взаимодействия народов, организованных в различных формах, в том числе в форме суверенных государственных образований, и оно стало востребованным, прежде всего, из-за его регулирующей способности, вытекающей из согласованного волеизъявления его основных субъектов, что выражается в форме международных обычаев или договорных норм, которые являются основными его источниками.

В нашей дискуссии важно четко разделять два аспекта: *способность* международного права как самостоятельной правовой системы регулировать те или иные сферы взаимодействия его субъектов и *возможность* данной системы продемонстрировать свою регулирующую способность.

В потенциале регулятивной способности международного права заложена воля и первоначальное намерение его основных субъектов, а его возможности зависят от многих факторов,

включая неукоснительное соблюдение субъектами принципа *pacta sunt servanda*, от корректного поведения этих субъектов в международных отношениях, предполагающего беспрекословное выполнение ими предписаний общепризнанных принципов и норм международного права, а также обязательств по ст. 103 Устава ООН, устанавливающей, что в том случае, когда обязательства государств – членов ООН (ныне их 193) по Уставу ООН окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, «преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Важным средством подтверждения способности и эффективности регулятивной функции современного международного права выступают созданные суверенными государствами международные межправительственные организации, прежде всего ООН, наделенная ими универсальной компетенцией в деле поддержания международного мира и безопасности.

Говоря об ООН, не все осознают историческую, концептуальную и нормативную основы ее легитимности и реальный потенциал этой организации. В связи с этим давайте просто перечислим структуру системы ООН, которая наглядно отражает охват сфер деятельности данной универсальной системы. Кроме шести главных органов ООН и их функциональных органов в систему ООН входят различные программы, фонды, научно-исследовательские и учебные институты, такие, например, как Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД); Центр по международной торговле (ЦМТ); Программа развития ООН (ПРООН); Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП); Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА); Программа ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат); Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ); Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ); Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН); Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР); Всемирная продовольственная программа (ВПП); Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР); Управление ООН по вопросам уменьшения опасности стихийных бедствий (МСУОБ ООН); Учебный и научно-исследовательский институт ООН (ЮНИТАР); Университет ООН (УООН); Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС); Структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН-женщины») и др.

Система ООН также располагает потенциалом специализированных учреждений и связанных с ООН организаций, таких как Международная организация труда (МОТ); Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО); Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); Группа Всемирного банка (ВБ); Международный валютный фонд (МВФ); Международная организация гражданской авиации (ИКАО); Международная морская организация (ИМО); Международный союз электросвязи (МСЭ); Всемирный почтовый союз (ВПС); Всемирная метеорологическая организация (ВМО); Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС); Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР); Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО); Всемирная туристская организация (ЮНВТО); Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ); Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ); Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО); Всемирная торговая организация (ВТО).

Такие же внушительные списки можно составить простым перечислением видов деятельности ООН в области поддержания международного мира и безопасности, в сфере экономического и социального развития, в области поощрения и защиты прав человека, в деле оказания гуманитарной помощи и т. д.

Структура ООН и ее система в целом отражают состояние современного мирового развития и его проблем, но, к сожалению, основными субъектами международного права и меж-

дународных отношений, т. е. суверенными государствами, неадекватно осознается то, в каком мире живет человечество.

Человечество живет в глобализирующемся мире при возрастающем числе угроз и вызовов.

В последнее время в дипломатии, в политическом лексиконе, в международных документах, принятых в рамках ООН и других международных форумов межправительственного и неправительственного характера, в международно-правовой литературе и т. д. часто используются термины «угрозы» и «вызовы» в различных коннотациях (например, «новые угрозы», «новые вызовы»), способность предотвращения и преодоления которых все чаще выступает мерилем эффективности современного международного права и дееспособности международных межправительственных объединений глобального управления в области обеспечения международного мира и безопасности, здравоохранения, финансов, кредитования и т. д.

«Вызовы» и «угрозы», исходя из лексического значения данных слов, чреваты негативными последствиями различного масштаба для жизни людей на нашей планете.

Термин «вызовы» был введен в политический лексикон не юристами-международниками. На этот счет широко распространено мнение о том, что термин «вызовы и ответы» был введен в наш обиход историком и философом Арнольдом Тойнби в середине XX в. Для науки и практики международного права выяснение происхождения данного термина не имеет решающего значения, но поскольку юристы-международники ныне часто употребляют термин «вызовы» в различном контексте, то с методологической точки зрения необходимо выяснить смысл, который закладывается в термин «вызовы», и чем данный термин отличается от термина «угрозы», который также часто используется нами в контексте обеспечения международного мира и безопасности.

Согласно мнению отечественных ученых, под термином «вызовы» следует понимать прогнозируемые состояния человечества, произвольное развитие которого с неизбежностью приведет к ухудшению общего состояния человечества и поставит под угрозу само его существование как биологического вида и организованного социума. Подчеркивается, что «вызовы» носят всеобщий природно-социальный характер (например, изменение климата). «Вызовы» первоначально абстрактны, они опознаются и на них даются «ответы»¹⁰.

Для определения содержания термина «угрозы» мы можем обратиться к авторитетному международному документу – Докладу, представленному Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, образованной по инициативе Генерального секретаря ООН. В Докладе, в частности, говорится: «Любое событие или процесс, которые введут к массовой гибели людей или уменьшению шансов на выживание и ослабляют государства как базовые элементы международной системы, представляют собой угрозу международной безопасности». В отношении таких угроз главная задача ООН и государств – членов ООН, по мнению экспертов Группы, «заключается в обеспечении того, чтобы из всех угроз, входящих в вышеуказанные категории, те угрозы, которые являются отдаленными, не стали непосредственными, а те угрозы, которые носят непосредственный характер, не вызвали реальных разрушительных последствий»¹¹.

Из сказанного вытекает, что угрозы носят социальный характер, т. е. они связаны с последствиями человеческой деятельности, а вызовы, как было отмечено, имеют природно-социальный характер. При этом и вызовы, и угрозы одинаково чреваты негативными последствиями различного масштаба, следовательно, они могут оказывать негативное влияние на эффективность современного международного права и деятельность международных межправительственных организаций глобального управления, включая ООН. Исходя из этого, угрозы и вызовы следует рассматривать в контексте современного международного права в качестве негативного фактора в деле поддержания международного мира и безопасности.

В вышеупомянутом Докладе выделены шесть блоков угроз международной безопасности: экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию; межгосударственный конфликт; внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства; ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие; терроризм; транснациональная организованная преступность.

В отношении вызовов, к сожалению, мы не можем обратиться к аналогичному международному документу. Во многих документах, принятых главными органами ООН, такими как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, или их функциональными органами, такими как, например, Совет по правам человека (СПЧ), а также специализированными учреждениями системы ООН, такими как ВОЗ, ЮНЕСКО и др., содержатся отдельные положения о некоторых видах вызовов, которые нередко по своему характеру пересекаются с угрозами международному миру и безопасности человечества. На этом фоне необходимость прояснения вопроса о разграничении понятий «вызовы» и «угрозы» теряет практическое значение, однако при этом актуальной остается задача выявления тех реальных и потенциальных угроз и вызовов, которые по своим свойствам и масштабам чреваты большими негативными последствиями для жизни на планете.

Медленная и неадекватная реакция международного сообщества на эти вызовы и угрозы подтверждает то, что степень осознания суверенными государствами реальной опасности уже существующих вызовов и угроз для человечества и его благополучия во многом отстает от их темпа роста в количественном отношении и по их масштабу.

Не без оснований Генеральный директор ФАО Жозе Грациану да Силва, выступая на форуме ЕХРО-2015 в Милане 19 октября 2015 г., задался вопросом: «Как можно умудриться, чтобы, имея достаточные данные об ухудшении экологического состояния Земли, продолжать уничтожать планету вместо ее защиты?». Еще в 1994 г. в докладе ПРООН под названием «Новые измерения безопасности человека» охрана здоровья человека была определена как одна из сфер, подпадающих под угрозу¹². Комиссия ООН по безопасности человека, учрежденная с целью включения вопроса об обеспечении безопасности человека в деятельность системы ООН, в своем докладе «Безопасность человека сегодня», представленном в 2003 г., определила безопасность человека как важную часть безопасности государств¹³.

Несмотря на подобные заявления, число угроз и вызовов возрастает. Для подтверждения сказанного рассмотрим два явления современного мирового развития: пандемию ВИЧ/СПИДа и международный терроризм.

Начиная с 1988 г. 1 декабря каждого года отмечается Всемирный день против СПИДа. Несмотря на то, что в этот день выражается тревога всемирного масштаба в связи с гибелью миллионов людей от этой пандемии, число зараженных растет, ныне около 76 млн. человек заражены ВИЧ и около 40 млн. – СПИДом.

Появление таблеток против зачатия, антибиотиков против болезней, передаваемых половым путем, легализация аборт, широкая доступность марихуаны, употребление наркотических средств внутривенным путем дало толчок гетеросексуальной активности и гей-активизму. Напомним, что первый случай ВИЧ-инфицированного был зафиксирован в 1981 г. в США среди геев. Эта болезнь особо распространена среди геев, мультисексуальных групп, наркоманов и занимающихся проституцией.

В 1987 г. ВОЗ приняла Всемирную программу по борьбе со СПИДом, однако она не была в состоянии предотвратить рост числа зараженных. В июне 2001 г. была проведена Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с ВИЧ/СПИДом. ВОЗ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ВБ и ЮНФПА выработали собственные программы действий по борьбе с ВИЧ/СПИДом и стали координировать свои усилия. В 1993 г. они создали межучрежденческую рабочую группу – Комитет софинансируемых организаций. В результате в 1995 г. была принята Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС). К сожалению, вышеперечислен-

ные международные образования не могут объединить свои усилия: вся их деятельность ограничивается координирующей работой, хотя пандемия ВИЧ/СПИДа является общей угрозой.

Несмотря на различные усилия, принимаемые на международном и внутригосударственном уровнях, с 1995 г. были инфицированы более 22 млн. человек, 6 млн. из которых скончались от этой болезни. Присоединение к данной Объединенной программе УВКБ ООН, ВПП ООН, УНП ООН, «ООН-женщины» и МОТ не смогло переломить тенденцию роста числа зараженных: прошло 35 лет после обнаружения первого случая заражения ВИЧ-инфекцией, каждый день их число возрастает на 6 тысяч человек. От этой болезни каждый день умирает около 4 тысяч человек. В таких условиях только 15 млн. ВИЧ-инфицированных имеют доступ к лечению, а 22 млн. не имеют таких возможностей, около 1,5 млн. больных СПИДом умерли в 2014 г.

В ЦУР поставлена задача к 2030 г. победить эту болезнь на глобальном уровне. Однако неясным остается вопрос о наличии источников финансирования для достижения этой цели. При этом имеется подозрение в том, что фармацевтические компании не заинтересованы в создании вакцины для ликвидации ВИЧ: они ныне получают большие прибыли от продажи антиретровирусных препаратов.

Относительно второго явления напомним, что 13 ноября 2015 г. международное сообщество в очередной раз сотряс терроризм – трагедия в Париже. При этом мало кто знает о том, что только в 2014 г. число жертв терроризма во всем мире возросло на 80 %. Это самый высокий показатель, чем когда-либо. Большинство террористических актов совершалось в государствах, из которых исходило больше всего беженцев.

Институт экономики и мира выработал Глобальный индекс терроризма и представил его 17 ноября 2015 г. Согласно этому индексу, число погибших от терроризма с 2000 г. выросло в девять раз. В 2014 г. в результате террористических актов, совершенных в 67 государствах, погибли 32658 человек. 78 % из числа этих жертв приходится на пять государств: Ирак, Нигерию, Афганистан, Пакистан и Сирию. Только в Нигерии число жертв терроризма выросло на 300 % и составило 7512 человек. Это результат преступной деятельности террористической организации «Боко харам». Самой большой террористической группировкой в мире стало так называемое исламское государство (ИГИЛ, ИГ, ДАИШ, ISIL). В вышеупомянутом Глобальном индексе указывается на связь между террористической деятельностью и некоторыми государствами, а также на прямую взаимосвязь между ростом числа беженцев и внутренне перемещенных лиц и терроризмом: десять из одиннадцати государств, наиболее пострадавших от террористических актов, являются теми государствами, откуда исходит больше всего беженцев.

На пять государств, наиболее пострадавших от терроризма, в 2014 г. приходилось более 16 млн. беженцев и внутренне перемещенных лиц. К числу таких государств относится Сирия, где с 2011 г. идет кровопролитная война, вызванная вмешательством извне. На Сирию приходится более 7 млн. внутренне перемещенных лиц и 4 млн. беженцев. Сирийцы также составляют большинство из лиц, ищущих убежище в Европе.

20 ноября 2015 г. Совет Безопасности ООН заявил, что ИГИЛ представляет собой глобальную беспрецедентную угрозу международному миру и безопасности, и призвал все государства – члены ООН принять все необходимые меры против этой террористической группировки¹⁴. Но кто реально борется с ИГИЛ и другими террористическими группировками? Воздушно-космические войска России, которые действуют в небе Сирии по просьбе законного правительства этой страны, и вооруженные силы правительства Сирии, осуществляющие наземные операции. США, их союзники по НАТО и некоторые арабские режимы до сих пор заняты пустыми разговорами об умеренных силах, чтобы как-то отделить их от террористов в целях передачи власти такой «оппозиции».

Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, хотелось бы подчеркнуть незаменимую роль современного международного права и ООН в деле противодействия беспрецедентным глобальным угрозам, удовлетворении потребности международного сообщества в преобразо-

ваниях, в формировании гибкой, и в то же время отвечающей современным вызовам системы коллективной безопасности.

Таким образом, становится очевидным, что в условиях глобализации все более взаимозависимого мира при наличии реальных и потенциальных угроз для международной безопасности возрастает значение основополагающего принципа международного права – обязанности государств сотрудничать друг с другом. Следует констатировать, что добровольное сотрудничество государств в сфере устранения общих угроз трансформируется в добровольно-принудительное взаимодействие под давлением указанных угроз.

В этих условиях жизнеспособность, авторитет и эффективность международного права в полной мере зависят от поведения непосредственно государств и их активного сотрудничества. Все пороки, предписываемые международному праву и ООН, предопределены действиями или бездействием в первую очередь государств-членов, которые обязаны добросовестно и полностью выполнять взятые на себя международные обязательства.

Если международное право адекватно не отражает потребности международного развития, то причина кроется, прежде всего, в незаинтересованности, пассивных действиях или вообще бездействии суверенных государств. Если межгосударственные институты коллективного действия, в первую очередь ООН, адекватно не реагируют на нарушения (особенно грубые) международного правопорядка, то причина кроется в отсутствии политической воли у государств действовать совместно, оперативно, правомерно и легитимно на основе существующих международно-правовых предписаний.

Очевидно, что роль современного международного права в качестве регулятора международных отношений и как средства разрешения международных разногласий и конфликтов во многом предопределена тем, насколько основные субъекты международного права и международных отношений (суверенные государства, а также их лидеры) адекватно осознают, в каком мире мы живем. И более того, насколько они готовы действовать совместно в сфере противостояния общим угрозам и обеспечения общих интересов.

В представленном Группой высокого уровня Докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность» констатируются глубокие разногласия между государствами по поводу характера угроз, с которыми сталкивается международное сообщество. В названном документе признается необходимость выработки широкой, более всеобъемлющей концепции коллективной безопасности, в которой бы рассматривались новые и старые угрозы, а также учитывалась бы озабоченность всех государств по поводу международной безопасности.

Создавая в 1945 г. ООН, государства антигитлеровской коалиции понимали концепцию коллективной безопасности в традиционном военном значении. В Уставе ООН зафиксировано, что агрессия против одного государства – члена ООН является агрессией против всех государств, что предполагает коллективное реагирование. Очевидно, что в XXI в. в условиях нарастающей глобализации, возникновения новых угроз и вызовов международному правопорядку требуется более глубокое понимание системы коллективной безопасности во всех ее измерениях: военном, политическом, экономическом, гуманитарном, экологическом, информационном.

Перечень названных измерений все время расширяется под давлением реальных кризисов, таких как продовольственный, экономический, финансовый и т. п. Дело в том, что человечество вступило в эпоху беспрецедентной взаимообусловленности самих угроз для международного мира и безопасности. Например, нищета порождает массовую миграцию населения и является благодатной почвой вербовки для террористов. Эти угрозы не знают национальных границ. Ни одно государство, каким бы сильным оно ни было, не может самостоятельно оградить себя от современных угроз.

Специфика развития современных международных отношений заключается в том, что серьезнейшие угрозы международной безопасности не сводятся исключительно к межгосу-

дарственным военным конфликтам. Эти угрозы включают в себя войны и насилие внутри государств (гражданские войны), преступление геноцида, ухудшение состояния окружающей среды, распространение и возможность применения ядерного, химического, биологического и радиологического оружия, терроризм, транснациональную организованную преступность, нищету, инфекционные болезни и др. С точки зрения Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна современное состояние мира характеризуется растущими проблемами и все более ограничивающимися ресурсами.

ООН на основе современного международного права может:

1) содействовать налаживанию и ведению общего диалога в целях:

а) определения и согласования общего видения перспектив;

б) выработки совместных комплексных решений глобальных проблем;

2) легитимизировать новые нормы, подходы, структуры и процессы в сфере международного сотрудничества.

В основе любой модели дальнейшего укрепления системы коллективной безопасности должен лежать баланс между интересами суверенных государств и интересами мирового сообщества в целом. Международное право является механизмом обеспечения интересов каждого государства и постепенно вырабатывает нормы и механизмы по защите интересов всего мирового сообщества, выражающихся в обязательствах, имеющих характер *erga omnes*.

У международного права нет альтернативы. В условиях наличия консенсуса государств по важным аспектам мироустройства ООН в состоянии выполнить поставленную в ее Уставе задачу – быть центром для согласования действий государств-членов в достижении общих целей (п. 4 ст. 1 Устава ООН).

Настоящую статью следует завершить словами известного ученого, юриста-международника В. А. Карташкина: «Всем, наконец, надо признать, что без международного права не может существовать современная цивилизация, а отказ от его соблюдения ввергнет мир в анархию. <...> В современном мире лишь путем согласования межгосударственных позиций с учетом разумного сочетания интересов государства, личности и международного сообщества в целом можно создать такой правопорядок, который будет достойным цивилизации XXI века»¹⁵.

Бекяшев К. А

Необходимо ли внесение серьезных изменений в существующую систему норм международного права?

Is it necessary to introduce serious amendments into the existing system of international legal norms?

Бекяшев К. А.

*Доктор юридических наук,
заведующий кафедрой междуна-*

имени С

Заслуженный дея

Е

Doctor of juridical scie

*Head of the International Law
the Kutafin Moscow State*

Honoured Worker of Scienc

В статье рассматриваются концепции российских и западных ученых о сущности, системе, источниках международного права; верховенстве права; международном процессуальном праве; реформировании ООН; будущем международного права¹⁶.

***Ключевые слова:** международное право, концепция внешней политики; обычные нормы; интеграционное право; ООН; торговля людьми; субъекты международного права.*

The article makes an overview of the concepts of Russian and foreign publicists concerning the international law substance, its system and sources; the supremacy of law; the international legal process; the UN reformation; the future of international law.

***Keywords:** international law, the foreign policy concept, customary norms, integrational law, the UN, human trafficking, subjects of international law.*

В международном праве, в международных делах каждый термин должен быть понятен, прозрачен, должен иметь единообразно применяемые критерии.

В. В. Путин

I. Наступил ли кризис международного права?

Название данной работы заимствовано мною из статьи Председателя Конституционного суда России В. Д. Зорькина «Кризис международного права: современный контекст»¹⁷. В этой весьма содержательной и концептуальной статье, а также и в других статьях¹⁸ В. Д. Зорькин отмечает, что нынешний глобальный политический кризис начался с момента разрушения СССР и блоковой биполярной мировой системы с ее двумя международными лидерами – СССР и США. По его мнению, в последние 25 лет «международное право рушилось и подменялось грубой силой в Ираке, Югославии, Египте, Тунисе, Ливии, Сирии». В результате произошла катастрофа права, чреватая гибелью всей цивилизации права, которую человечество выстраивало в кровавых войнах и революциях XX века. К такому выводу пришел известный политолог и юрист В. Д. Зорькин.

«Нынешнее содержание международного права и механизм его реализации, – убежден В. Д. Зорькин, – явно отстают от требований времени, не позволяя своевременно и адекватно отвечать на главные вызовы и риски, поддерживать стабильный глобальный миропорядок и устойчивое развитие».

Он полагает, что «нынешняя международно-правовая база – неопределенная и оставляющая простор для произвольных интерпретаций – выгодна самым сильным субъектам международных отношений».

Для обновления ключевых аспектов международного права В. Д. Зорькин предлагает созвать Всемирное Совещание по международному праву. На этом совещании, в результате содержательной, профессиональной дискуссии по каждому из выработанных предложений, нужно будет одобрить обновленные и уточненные новые международно-правовые нормы.

На встрече с сотрудниками МИД России 1 июля 2014 г. В. В. Путин заявил, что «к сожалению, видим, что не срабатывает международное право, элементарные нормы приличия не соблюдаются, торжествует принцип вседозволенности»¹⁹.

Вне сомнения, никакого кризиса международного права нет, а имеет место элементарное игнорирование его рядом западных государств, на что указал Президент РФ.

По справедливому мнению Д. А. Медведева, «перед миром стоит вопрос о восстановлении всеобщего доверия к нормам международного права. Речь не идет о кризисе международного права, а налицо кризис отношений между странами и кризис отношения государств к международному праву». По его мнению, в XXI веке борьба за нормы международного права развернулась с новой силой. Ее причинами стали многочисленные территориальные, порой переходящие в вооруженные, конфликты в разных частях света²⁰.

В своем выступлении на международной конференции «Валдай XI» 24 октября 2014 г. В. В. Путин заявил: «И если в чем-то возможно лидерство России – это в отстаивании норм международного права».

Современное международное право – динамично развивающаяся отрасль права, которая обогащается новыми принципами, источниками, концепциями и институтами.

В данной статье сделана попытка рассмотреть ряд новых концепций в международном праве, изложенных в российской и западной литературе.

II. Международное право как право

В течение нескольких десятилетий преимущественно в западной литературе вновь обсуждается вопрос о том, является ли международное право правом²¹.

При этом затрагиваются такие вопросы: каков характер международного права как правовой системы? в чем отличие международного права от внутригосударственного права? существенно ли такие отличия или такое разделение не совсем оправдано? какие последствия влечет признание международного права отдельной правовой системой?

По мнению Ф. Мегрета (Канада), спор о признании международного права отраслью права сводится к следующим трем связанным друг с другом вопросам.

Во-первых, к какому типу правовых систем можно отнести международное право? Вне сомнения, механизм международного права отличается от механизма национального права. Но что является основанием для отнесения его к системе *sui generis*?

Во-вторых, как с учетом отличительных черт международного права мы признаем его именно правом?

В-третьих, очень сложно определить, помимо вопросов признания международного права отраслью права или правом вообще, форму правовой системы, так как в течение времени она принимала различные формы и постоянно развивалась под влиянием времени. Международное право меняется так быстро, что обычно не присуще иной правовой системе. Этой отрасли права недостает минимальной стабильности, которой должна обладать правовая система²².

Далее Ф. Мегрет заключает, что международное право – это динамичная и непостоянная система. В связи с этим вопрос о характере международного права необходимо рассматривать с учетом изменяющихся факторов. Международному праву периодически свойственен регресс. Это право, возможно, лучше соотносится как правовая система, которая подвержена следующим четырем особенностям: верховенство (*surpassing*), впитывание (*absorption*), отмена (*dissolution*) и возобновление (*renewal*). Природа международного права как правовой системы порождает проблему своего существования через указанные выше тенденции²³.

В последние годы эта же проблема в определенной плоскости рассматривается и в американской литературе. Например, Г. Шаффер и Т. Гинзбург активно указывают на формирование новой тенденции использования эмпирических методов анализа в науке международного права²⁴. Для этой тенденции характерен отказ от построения мегатеорий и переход к теоретизированию фактических условий формирования международного права и его имплементации. В этой связи Г. Шаффер и Т. Гинзбург приводимые эмпирические исследования классифицируют в качестве новой «условной теории» международного права. Авторы отмечают, что подобные исследования проводились и ранее. Однако это было всего лишь исключением из правил.

Эти авторы перечисляют возможные методы исследования (количественные и качественные) и указывают на их достоинства и недостатки. Так, например, количественные методы позволяют обрабатывать большой объем информации и делать необходимые обобщения. Однако они не восприимчивы к специфике отдельных контекстов и не отражают причинно-следственную связь. В то же время качественные методы часто подвергаются критике ввиду вмешательства в исследование субъективных факторов, связанных с личностью исследователя и возможностью генеризации. Тем не менее качественные методы позволяют запечатлеть динамику определенной социальной среды в ее многообразии.

Г. Шаффер и Т. Гинзбург в своей монографии подвергают анализу существующую литературу, посвященную эмпирической тенденции в науке и дают оценку выдвинутым в лите-

ратуре предложениям. Они предприняли попытку обоснования «условной теории международного права». Появление интереса к эмпирическим исследованиям авторы связывают с возросшим интересом к международному праву, а также развитием научно-технологического прогресса и востребованностью обобщения огромного массива данных.

С точки зрения Г. Шаффера и Т. Гинзбурга, эмпирические исследования могут помочь проанализировать те презумпции относительно сущности и влияния международного права, на которых основывается доктрина, а также оценить эффективность тех или иных институтов соответствующих отраслей международного права. Вместе с тем авторы предостерегают от слепого переноса выводов эмпирических исследований на реальность вне зависимости от контекста рассматриваемого явления.

Г. Шаффер и Т. Гинзбург предлагают провести дополнительные исследования международного обычного права на эмпирическом уровне и приводят следующие примеры исследований, посвященных эмпирическому анализу международных договоров: 1) посвященные отражению в международных договорах положений, меняющих сущность международного права; 2) анализирующие мотивацию государств при выборе тех или иных типов договоров; 3) анализирующие выбор государств между юридически обязательными соглашениями и мягким правом; 4) сфокусированные на включении отдельных положений в договоры, например механизмы разрешения споров; 5) влияние, оказываемое международными договорами, по сравнению с другими формами императивных предписаний.

Г. Шаффер и Т. Гинзбург справедливо указывают на то, что «условная теория» международного права способна оказывать влияние на понимание сути и (фрагментацию) международного права. Она способна помочь выявить наиболее эффективные средства решения проблем в каждой отрасли международного права с учетом специфики ее развития, особенностей действующих институтов и интересов отдельных государств.

Таким образом, в качестве основного предмета исследования «условной теории» международного права Г. Шаффер и Т. Гинзбург выделяют механизмы формирования международного права и влияния на развитие его основных отраслей. Авторы предлагают две стратегии для дальнейшего развития «условной теории» международного права: первая заключается в заимствовании вопросов для исследования и методов различных отраслей, для которых характерны различные типы проблем; вторая предполагает сфокусировать внимание на отдельных группах государств в целях определения влияния их на международное право.

Еще одна проблема, которая является в центре внимания западных ученых, касается концепции легитимности и ее применения к международному праву. Речь идет о монографии американских ученых Ю. Брунне и С. Тупа²⁵. За последние годы этой концепции уделяли внимание лишь политологи и историки международных отношений. В своем анализе концепции легитимности авторы детально исследовали теорию Леона Фуллера – философа, профессора Гарвардского университета.

Ю. Брунне и С. Туп использовали два основных метода аргументации: первый касается динамики развития международного права, а второй – его сущности.

Основу обеих аргументаций составляют способность международного права оказывать влияние на другие сферы и важность взаимодействия между его нормами, субъектами и другими участниками международных отношений.

В свое время Л. Фуллер придавал особую важность этим аргументам, представляя право не как одностороннее проецирование чьей-то власти, а продукт совместной деятельности (взаимодействия) государства и индивида. Без такого взаимодействия, с точки зрения Л. Фуллера, право теряет свою значимость и не может называться правом. Авторы монографии пытаются перенести выводы Л. Фуллера на международную сферу и разграничивают юридические обязательства от норм неправового характера. Ю. Брунне и С. Туп полагают, что международное

право зависит от основы, заключающейся в разделяемости обществом понимания его эффективности, обязанности и его статуса как права.

Авторы монографии подчеркивают, что юридические нормы соблюдаются ввиду чувства уважения к праву, основанному на особой форме правовой легитимности. Они уделяют особое внимание стратегиям возможного улучшения практики соблюдения правовых норм. По нашему мнению, Ю. Брунне и С. Туп справедливо утверждают, что помимо развития механизмов и институтов (в соответствии с теорией рационализма) необходимо уделять особое внимание разработке общего понимания сути и цели принимаемых международно-правовых норм.

Ю. Брунне и С. Туп утверждают, что субъекты международного права скорее сами своим поведением создают непоследовательность права. Рецензент монографии Н. Криш критикует подобное заключение, полагая, что несмотря на то, что практика государств может подвергнуться изменениям нормы права, это не должно приводить к смещению реального поведения государств с их нормативно-правовыми устремлениями. В противном случае, по мнению рецензента, право будет являться не чем иным, нежели простым ненормативным отражением практики государств. Рецензент также критикует радикальную концепцию Ю. Брунне и С. Туа, которые рассматривают право в бинарных категориях: или норма является правовой, или нет.

С точки зрения Н. Криша, подобная позиция в сочетании с высокими требованиями, выдвигаемыми авторами к норме права, может привести к тому, что множество положений, которые мы считаем юридически обязательными, потеряют данное свойство²⁶.

По мнению японского юриста-международника Я. Онума, после Второй мировой войны сложился трансквицилизированный подход к международному праву, нацеленный на девестернизацию содержания и метода международного права. Я. Онума отмечает, что иные, отличные от западных, подходы к международному праву, в частности опыт азиатской цивилизации, игнорировались на протяжении многих веков²⁷. Он выступает за необходимость инкорпорирования в международное право китайской и мусульманской цивилизаций.

Хочу остановиться еще на одной работе, которая имеет прямое отношение к теории международного права: интерпретация актов и норм в международном праве. Данная проблема является постоянно актуальной и востребованной практикой международного права. В мировой литературе ей уделяется недостаточное внимание. Этот пробел в значительной степени восполняет монография британского исследователя А. Орахелашвили²⁸.

Автор в своей монографии выдвигает вывод о том, что «юридическая практика в значительной степени представляет собой работу по интерпретации». Этот вывод автор подкрепляет обширным фактическим материалом из практики многочисленных международных судов и трибуналов.

По мнению А. Орахелашвили, основной целью интерпретации международного права является внесение определенности, предсказуемости и последовательности в международно-правовое регулирование. Автор видит корень проблемы в соблюдении международного права не только в наличии (или отсутствии) политической воли, но и в отсутствии необходимой интерпретации. С точки зрения автора, эффективность является свойством юридической системы и должна достигаться путем адекватного применения действующих юридических норм, чем попыткой продвижения общей эффективности международного права или создания иных, более эффективных норм.

В своей книге А. Орахелашвили последовательно и решительно выступает за определенность юридического содержания норм и за объективность их интерпретации в противовес субъективизму, в том числе в форме учета политических целей и мотивов манипуляции правом.

В монографии автора заметное внимание уделяется соотношению позитивного и естественного права. Он считает, что вопрос о правомерности конкретного действия субъекта меж-

дународного права должен решаться исключительно на основе позитивного права. Если же действие определено выходит за рамки позитивного права, в ход идет право естественное, способное ответить на большее количество вопросов и принимающее во внимание такие факторы (принципы), как добросовестность, равенство государств и т. д.

В своей монографии автор знакомит читателя со своей классификацией неправовых факторов, которые непосредственно не вытекают из юридических норм, но тем не менее оказывают влияние на формирование и действие права (например, категория фактов, интерес, ценность и т. д.), а также приводит расширенную интерпретацию права, основанную на иерархии, закрепленной в Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров.

А. Орахелашвили категорически отвергает социологический подход в интерпретации международного права, если такой подход отрицает иерархию, закрепленную в Венской конвенции 1969 г. Он указывает на то, что эффективность не является независимым принципом и не может оправдывать интерпретацию, которая противоречила бы Венской конвенции 1969 г. Далее автор вновь останавливается на необходимости обычной интерпретации, свободной от влияния политических факторов, и устанавливающей смысл норм, который в него закладывали государства. Именно множественность субъектов обосновывает, по мнению А. Орахелашвили, возможность объективной интерпретации²⁹.

К рассматриваемой проблеме «Международное право как право» имеет отношение монография «Философия международного права»³⁰.

Она подготовлена известными политологами и юристами-международниками. Цель книги – подвергнуть анализу моральные и политические ценности, которыми мы руководствуемся при оценке международного права. Как отмечает рецензент этой книги Э. Карти, авторы монографии не оценивают право в его историческом развитии, а скорее показывают, как может выглядеть философский анализ различных отраслей и институтов международного права (международное экологическое право, международное гуманитарное право, международное право человека, международное уголовное право, право международной торговли, а также право международной ответственности). Они рассматривают такие дискуссионные вопросы, как сущность и природа государства, самоопределение и легитимность международного права.

Рецензент данной монографии подвергает авторов критике за то, что они не анализируют тот философский базис, на котором основывается международное право, а также за чрезмерное англо-саксонское видение международного права, в ущерб иным точкам зрения.

В работе большое внимание уделяется природе отношений между государствами и индивидами. Авторы считают, что индивиды должны нести ответственность за действия государств³¹.

Французский юрист О. Кортен выделяет два подхода к международному праву: расширительный (зачастую используемый США) и ограничительный.

Расширительный подход характеризуется более гибким подходом к нормам, зафиксированным в ходе международного общения, предпочтением обычно-правовых норм и договорных и, как следствие, стиранием различий между *lex lata* и *lex ferenda*.

Ограничительный подход, соответственно, уравнивает в правах договорное и обычное право и устанавливает более высокий порог для признания нормы в качестве обычно-правовой³².

Американские юристы П. Диел и Ш. Ку международное право разделяют на две части: *operating system* – систему, обеспечивающую функционирование международного права, и *normative system* – нормативную систему. Первая система включает в себя четыре темы (видимо, отрасли. – К. Б.): источники права; субъекты международного права; осуществление юрисдикции; институты, обеспечивающие соблюдение норм международного права; раз-

решение споров. Вторая система выполняет функцию создания норм международного права. Таким образом, международное право придает силу отдельным ценностям и задает направления изменениям в политике государств и других субъектов этого права. За время существования обе части подвергались изменениям. В них появились новые отрасли международного права³³.

III. Понятие и содержание международно-правовой системы

В последние годы отечественные ученые мало уделяют внимания содержанию международно-правовой системы. Одной из последних работ была известная монография Д. И. Фельдмана³⁴. Напротив, зарубежные специалисты опубликовали ряд интересных, креативных монографий и крупных статей. Рассмотрим некоторые из них.

Известный американский юрист-международник А. Д'Амато рассматривает международно-правовую систему в качестве живой системы, состоящей из юристов и практиков, как самопроизводящуюся систему, в которой «правила, нормы, принципы, привилегии, обязанности и права... образуют идентифицируемую систему»³⁵. Все живые системы, продолжает А. Д'Амато, стремятся к самосохранению во времени. По аналогии с дарвиновской теорией борьбы за выживание, наиболее удачными инструментами международно-правовой системы являются, во-первых, приверженность к совокупности непротиворечивых норм и принципов международного права; во-вторых, применимость указанных норм и принципов ко всем государствам в равной мере; в-третьих, признание склонности самих норм к мирному разрешению споров. Два фактора обосновывают эту концепцию. Первый – когерентность самой международно-правовой системы. Ее нормы хорошо отточены и проверены на практике. Эта система схожа с биологической системой, которая эволюционирует во времени. Конфlikто-стимулирующие нормы, которые провоцировали военные столкновения, заменяются – в рамках дарвиновской модели борьбы за выживание – нормами, обеспечивающими сотрудничество. Второй фактор касается природы самого права. Право по своей сути консервативно, его нормы подвержены прецедентам из прошлого. Таким образом, по мнению А. Д'Амато, борьба за выживание международно-правовой системы во времени совпадает с обеспечением целостности большинства ее правил, норм и принципов³⁶.

По его мнению, международно-правовая система должна бороться для недопущения конфликта, используя для этого имеющиеся в ее распоряжении инструменты – правила, нормы, принципы и т. д.

В результате А. Д'Амато приходит к следующему выводу: международно-правовая система является воплощением самых разнообразных многочисленных норм, предусматривающих возможность многократного применения норм без ущерба самим нормам права, призванным обеспечивать равновесное состояние системы. Кроме того, охранительные нормы (схожие с антителами в биологических системах), по всей вероятности, призваны защищать материальные нормы (примером может служить гуманитарная интервенция)³⁷.

Во второй части своей статьи А. Д'Амато высказывает ряд оригинальных суждений.

Во-первых, по его мнению, нормы международно-правовой системы создаются этой системой, а не отдельными государствами. «Только международная система, – отмечает А. Д'Амато, – создает, изменяет или аннулирует нормы, и делает это она, руководствуясь своими собственными интересами, посредством выявления, отбора и принятия норм, появляющихся на свет в результате мирного урегулирования разногласий между двумя или более государствами».

Во-вторых, по его мнению, невозможно представить (прогнозировать), какие нормы системы могут появиться, даже если все интересы и задачи государства известны. Причины тому, что некоторые интересы не спускаются сверху лидерами государств, а формируются

внизу путем контактов, связей должностными лицами второго уровня и активистами неправительственных организаций.

В своем третьем тезисе А. Д'Амато утверждает, что международно-правовая система содержит три разновидности норм: первичные нормы, санкционные нормы и метанормы³⁸. По его мнению, международно-правовая система была бы примитивной, если бы состояла только из так называемых первичных норм, в соответствии с которыми государства должны совершать конкретные действия либо воздерживаться от их совершения, желает ли оно того или нет. Однако с развитием международно-правовой системы настоятельной потребностью становится наличие качественно новых норм, которые предусматривали бы санкции на случай их несоблюдения.

В отличие от санкционных первичных норм, метанормы, и в этом он согласен с Л. Хартом, вводят новые нормы первичного типа, аннулируют или изменяют старые нормы или различными способами определяют сферу их действия или контролируют их действие.

Любопытен тезис А. Д'Амато о том, что международно-правовая система признает и принимает нормы, которые являются результатом успешного урегулирования межгосударственных разногласий. В своих комментариях А. Д'Амато пишет, что наиболее мирным способом изменения или модификации международного права без обращения к вооруженной силе является международный договор. Если международный договор позволяет согласовывать интересы сторон, то международно-правовая система принимает нормы в отношении государств в целом до появления лучшей, совершенной нормы (которая в последующем способна уменьшить будущие трения), приходящей ей на смену.

Думаю, любопытными являются рассуждения А. Д'Амато о сущности и действиях санкционных норм. Эти нормы определяют обязательные издержки в отношении нарушителя, но которые не должны выходить слишком далеко за пределы формально непризнанного правила – и превышать выгоды правонарушителя. Международно-правовая система должна уточнять, определять некоторые формы допустимого, реального наказания для правонарушителей. Система должна вырабатывать нормы, правила и принципы, которые призваны предотвращать применение неправомерных санкций (с нарушением условий о необходимости и соразмерности).

Как справедливо отмечает А. Д'Амато, санкции могут быть односторонними или многосторонними, включать исправительные и сдерживающие элементы.

Наконец, приведу рассуждения А. Д'Амато о сущности метанорм. По его мнению, эти нормы пребывают в состоянии постоянного гомеостаза (т. е. в постоянном равновесном состоянии). «Если бы метанормы не были гомеостатичными, они могли бы приводить к появлению отклоняющихся, дисфункциональных первичных норм, способных повлечь за собой коллапс, распад системы». Так, аксиоматичными А. Д'Амато представляются две очень важные метанормы международного права – обычно-правовая норма и исполнимость международных договоров, без которых система была бы совершенно иной. Общие принципы права являются в лучшем случае презюмируемой метанормой, подлежащей отмене. Хотя общие принципы права и указаны в ст. 38 Статута Международного суда ООН, они не могут иметь статуса метанормы международного права. Норма, которая имеет свои нормы в национальных правовых системах, – даже если и допустить, что одни и те же нормы можно обнаружить в национальном праве каждого отдельно взятого государства, – не может автоматически быть возведена до уровня международного права, не подвергаясь при этом риску возможного системного неравновесия. Только факт того, что норма универсально применима при регулировании внутренних отношений государств, не может служить гарантией того, что она будет успешно адаптирована, если будет перенесена на совершенно другую область – регулирование внешних отношений государств³⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.